

В занимательности Александру Бушкову не откажешь.
Книжное обозрение

Если вы читали хотя бы одну из историй о Станиславе
Свароге, не сомневайтесь, дальше — только интересней.
Радио «Маяк»

В деле создания героев Александр Бушков никогда
не промахивается... Герой Бушкова всегда обладает
провинциальной самоуверенностью, здравомыслием
и крепкой психикой советского офицера.
Сварог тут не исключение.
Книжная витрина

«Сварог» вывел Александра Бушкова
в число фантастов первой лиги.
FANTастика

Книги Александра Бушкова о Свароге стали мгновенной
классикой в то время, когда понятия
«русское фэнтези» еще и не существовало.
Мир фантастики

**СВАРОГ –
фантастический боевик**



Рыцарь из ниоткуда
Летающие острова
Нечаянный король
Железные паруса
По ту сторону льда
Чертова мельница
Слепые солдаты
Из ниоткуда в никуда
Король и его королева
Вертикальная вода
Алый, как снег
Над самой клеткой льва
Радиянт
Чудовища в янтаре. Дыхание мороза
Чудовища в янтаре-2. Улица моя тесна
Нежный взгляд волчицы. Замок без ключа



Чужие берега
Чужие паруса
Чужие зеркала



Пленник Короны
Враг Короны
Спаситель Короны

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

**НЕЖНЫЙ ВЗГЛЯД
ВОЛЧИЦЫ
Замок без ключа**

Роман



МОСКВА



ОЛМА

«ПРОСВЕЩЕНИЕ-СОЮЗ»
«ПРОСВЕЩЕНИЕ»

2022

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Б 90

*Зверь не внутри нас.
Мы внутри зверя, понимаешь?
Грэм Мастертон.
«Ковер»*

Печатается с сохранением особенностей авторского стиля,
орфографии и пунктуации.

 Глава I 

МЕДИЦИНА ТРАДИЦИОННАЯ И ИНАЯ

Бушков А. А.
Б 90 Нежный взгляд волчицы. Замок без ключа: Роман / Александр Бушков. — М. : Просвещение-Союз : Просвещение, 2022. — 336 с. — (Сварог — фантастический боевик).

ISBN 978-5-00185-053-3 (Просвещение-Союз).
ISBN 978-5-09-088828-8 (Просвещение).

Перед вами — долгожданное продолжение самого знаменитого цикла в истории русского героического фэнтези!

Казалось, что легендарная сага о майоре ВДВ Станиславе Свароге, начавшаяся четверть века назад, закончилась в 2019 году на романе «Чудовища в янтаре». Но в юбилейный год Александр Бушков вновь вернулся к истории любимого персонажа, на приключениях которого выросло уже два поколения читателей.

...Кто бы знал, что безвременная кончина лорда Сварога, даже если и случится (во что верить, конечно, не хочется, но допускать нужно), окажется ничуть не бессмысленной. И кто бы мог подумать, что своя нравная убийца не сбежит, а тут же воротится, одарив Короля Королей нежным взглядом...

В новом романе из долгой саги о Таларе есть все, что вы любите: доблестные подвиги, дворцовые интриги, великая магия, сочные чувства и... даже белые волки. Точнее — волчицы, которые здесь встречаются, как когда-то на Земле, едва ли не раз в тысячу лет.

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-00185-053-3 (Просвещение-Союз)
ISBN 978-5-09-088828-8 (Просвещение)

© Бушков А. А., текст, 2019
© АО «Издательство
«Просвещение», 2022
© Художественное оформление.
АО «Издательство
«Просвещение», 2022

Сознание вернулось моментально, словно включили электрическую лампочку.

Сварог пошевелил руками-ногами — самую чуточку, не поднимая их от того упруго-мягкого, на котором он лежал в небольшой комнате со стенами и потолком приятно золотистого цвета. Никаких особых чувств не было — только радость от того, что все, похоже, кончилось благополучно. Осмотрелся, не поднимая головы.

Окружающее беспокойства пока что не внушало. Почти все свободное место в комнате занимали аппараты, полукругом обставившие некое светло-зеленого цвета ложе, на котором он, извольте ли видеть, возлежал, не привязанный и не прикованный. Высокие и низкие устройства, квадратные (экраны?) кубические ящики, овальные и круглые. Одни мигали разноцветными огоньками, другие порой мелодично свистели, и все в него чем-нибудь да нацелились: кто золотистыми овальными решетками на кольчатых шлангах, кто белыми и голубыми конусами, кто пучком серебряных неострых игл, кто решетчатыми шариками или полусферами... да чего там только не было! Глаза раз-



бегались. Не было особенного желания подробно осматривать всю эту машинерию, главное, выглядела она довольно безобидно и больше всего напоминала оснащение больничной палаты — он как-то мельком видел некоторые из устройств при других обстоятельствах. Поднял глаза. Под потолком, прямо над головой, помещался солидный серебристый овал, не только мигавший разноцветными лампочками, но и светивший разноцветными зигзагами, изгибавшимися в основном плавно, неспешно — хотя некоторые дергались зубчатыми полосками.

Теперь самое время присмотреться к себе. Он лежал все в той же алой мантии хельстадского короля, разве что расстегнутой на всю длину. Скосил глаза влево. Алая ткань выглядела новехонькой, как из мастерской, ни следа разреза, какой просто обязан был остаться после вошедшего в грудь до середины клинка небольшого меча. Чистенькая, целехонькая алая ткань, ни пятнышка грязи, ни выбившейся нитки (она всегда такой была, с тех пор, как Сварог ее стал носить не так уж редко).

Сдвинул шелковистую, приятно ласкавшую пальцы ткань к боку. Ага! Вот на синем камзоле именно такой разрез и имелся, прямо против сердца, окруженный темной полоской подсохшей крови. Расстегнул вычурные позолоченные пуговицы, распахнул камзол. На светло-синей рубаше с черным затейливым узором точно такой же разрез — и здесь уже не полосочка заскоружной ткани, а большое пятно размером с ладонь. Теперь рубашу...

Нельзя сказать, что увиденное его ошеломило, но все же удивило изрядно. Там, куда вошел меч, который непременно должен был его убить, — соответствующий по размерам шрам. Но выглядит он так, словно был когда-то качественно заштопан, а потом хорошо лечен — и не в полевом лазарете, а в лечебном заведении гораздо выше рангом. Он хорошо разбирался в ранах и в том, как их лечат, но... Шраму на вид было не менее

трех месяцев, а то и побольше — давным-давно сняли швы, все прекрасно заросло. Положил два пальца правой руки на шрам — и ощутил чуточку учащенное биение сердца: все правильно, удар был нанесен точнехонько в сердце, куда Дали и метила, сама сказала тогда на мосту. В о б ы ч н ы х условиях человек (и лар тоже) умер бы от такой раны за пару минут.

Вывод напрашивается один: кто-то без его приказа держал над ним какой-то летательный аппарат. Сварог даже догадывался, кто — есть у него любители для пользы дела самовольничать. Возможно даже, аппарат был оснащен системами неотложной помощи. Спикировали, проделали нужные процедуры, чтобы р а с т я н у т ь клиническую смерть без роковых последствий для мозга (он немного был знаком со здешней военной медициной по долгу службы), увезли в госпиталь... Врачи Империи справляются со многими ранениями, на земле оказавшимися бы смертельными. Вот они и постарались.

Вот только кое-что в эту версию не укладывается... Почему его после операции (которая, несомненно, была) не переодели в лазаретное, только сапоги сняли, да так и оставили лежать в прежней одежде, испачканной к тому же кровью, кроме мантии? И почему мантия целехонька? Самовосстанавливается она, что ли, после любого повреждения? Сварог о ней, собственно говоря, не знал ничегошеньки — как и следовало ожидать, в Вентордеране не нашлось писаного руководства по обращению с мантией — кто составляет такие руководства для собственной одежды? Есть, правда, руководства по этикету, но они наставляют лишь, когда и в каких случаях следует носить одежду определенного цвета — но у Фаларена и их не имелось, зачем бы ему? Иные свойства мантии — вроде умения летать с ее помощью — Сварог открывал чисто случайно. И знал, быть может, далеко не обо всех. Как, не исключено, и о некоторых свойствах митры...





Разлеживаться не стоило, следовало поскорее отыскать кого-то, кто может внести некоторую ясность. Он пошевелил руками и ногами, поднял руки, опустил, согнул ноги в коленях. Тело послушно подчинялось. Недолго думая, сел на ложе — невысокое, так что ноги коснулись пола в светло-золотистую, в тон потолку, клетку. Встал. Голова не кружилась, он прочно стоял на ногах, равновесие держал прекрасно. Прислушался к внутренним ощущениям — походило на то, что с ним все в порядке, хоть сейчас вскакивай на коня и скачи за оленем с гончими.

Еще раз присмотрелся к стоявшей полукругом аппаратуре. Конечно, совершенно в ней не разбирался, но она, очень похоже, работала в прежнем режиме. В мигании огоньков и кружении линий ничего не изменилось. Правда, вовсе не обязательно, если подается некий сигнал вовне, он дублировался и в больничной палате...

Похоже, его догадка насчет сигнала оказалась верной: широкая дверь в противоположной стене распахнулась без всякой поспешности, в палату степенно, не толкаясь и не мешая друг другу, вошли шестеро в зеленых халатах — и у каждого слева на груди над классической «пьяной змеей» красовалась эмблема, несколько разных. Остановились рядком, немного не дойдя до изножья постели, уставились на Сварога во все глаза. Люди все были солидные, в возрасте, несомненно, видывали всякие виды — но у всех в глазах горело неприкрытое любопытство. Сварога это чуточку удивило — ну да, серьезная, конечно же, рана, тяжелый случай, но уж они-то, зубры медицины, наверняка видели и поинтереснее...

Он узнал только двоих с эмблемами восьмого департамента — профессор Ремер, директор «Лазурной бухты» (значит, Сварог здесь и пребывает, надо полагать?), и профессор Борантер, глава медицинской службы восьмого департамента. Все остальные незнакомы, но по эмблемам определить нетрудно: из Кабинета императрицы, из Техниона, из Спецслужбы Канцлера. Интереснее всех был шестой: эмблема представляет собой общегвардейский шеврон, а из-под достигавшего колен ха-

лата вместо штатских портков видны синие форменные брюки с генеральским лампасом: узкая красная полоска меж двух золотых. Ага, и армию привлекли — ну, часто случается... И у каждого эмблему окружает символ профессорского знания: двойной золотой круг, меж линиями цветки василька, одна из эмблем имперской медицины (что интересно, таларской и сильванской тоже). Так. Можно сказать, только высший командный состав удостоился посещением...

Молчание становилось не то чтобы неловким, но как-то совершенно ненужным, и Сварог заговорил первым. Легонько поклонился:

— Добрый день, господа мои... или еще утро или уже вечер?

В ответ — дружное молчание. У Сварога осталось впечатление: они попросту не знают, что сказать, старательно подыскивают слова. В таких случаях всегда находит кто-то сообразительный...

Таким оказался профессор из Техниона. Спросил с некоторым волнением:

— Как вы себя чувствуете, лорд Сварог?

— Прекрасно, — сказал Сварог чистую правду. — Надо полагать, вашими трудами, господа? Благодарю...

Они смотрели на Сварога как-то странно. И легонько покосились в сторону профессора из Кабинета императрицы — согласно неписаным правилам считавшегося здесь главным. В точности так обстоит во всех конторах: когда собираются люди одного звания, старшим негласно считается тот, чье учреждение выше на иерархической лестнице.

— Боюсь, благодарностей мы не заслуживаем... — сказал тот с дипломатической бесстрастностью. — Нашей заслуги в том нет... — он посмотрел вправо-влево, на остальных. — Ну что же, господа... Коли уж лорд Сварог чувствует себя прекрасно, да и аппаратура это подтверждает, нет нужды в каком бы то ни было консилиуме. Я просто не представляю, в чем консилиум при данных условиях мог бы заключаться... Полагаю, завершить можно





тем, что кто-то из нас расскажет лорду Сварогу все, что его интересует. У лорда Сварога, конечно же, будут вопросы, как у любого на его месте... Лорд Сварог, вы не имеете ничего против, если эту миссию возьмет на себя профессор Ремер? Он как-никак хозяин здесь, да вы и знакомы...

Точно, «Лазурная бухта», подумал Сварог. И сказал непринужденно:

— Ничего не имею против.

— Вот и прекрасно, — склонил голову профессор из Техниона. — Приятно было познакомиться, лорд Сварог. Позвольте откланяться...

Он вышел первым. Глядя им вслед, Сварог был чуть-чуть озадачен. Повернулся к Ремеру:

— Профессор, рад вас видеть... Не внесете ли ясность? Мне показалось, будто ученые мужи чуть-чуть торопились покинуть комнату, или что-то такое и в самом деле имело место?

На губах профессора мелькнула легкая улыбка:

— Вам ничуть не показалось. Мои коллеги уходили с о б л е г ч е н и е м. Никто не любит загадок, на которые не находится ответов. Полагаю, вы тоже?

— Терпеть ненавижу, — кивнул Сварог. — Это что же, я нежданно-негаданно стал загадкой медицины? Учитывая, что тут собрались одни медики, другого вывода и не сделаешь...

— Да вот, представьте себе, — усмехнулся профессор. — Стали, что поделаешь...

— Ага... — сказал Сварог. — Что-то мне приходит в голову: облегчение это вызвано еще и тем, что нашлось на кого все свалить? На вас?

— Ну, я на их месте держался бы точно так же. Да и вы, наверное, тоже...

— Пожалуй, — сказал Сварог.

— Пойдемте ко мне в кабинет?

— Пойдемте. Хотя... — он посмотрел на свои ноги, обутые только в форменные шкарлатки*. — Нужны са-

* Шкарлатки — толстые вязаные носки, обшитые полотном, которые военные надевают под сапоги.

поги, и одежду бы сменить. Ну, это все я могу и сам, только сначала с удовольствием принял бы душ, да не простой, а с парочкой «целебных вихрей».

— Никаких проблем. Пойдемте, я провожу.

— Пойдемте... — Сварог остановился. — Нет, подождите. Сколько я пролежал без сознания?

— Четыре дня.

— Так... — сказал Сварог. — Тогда скажите вот что... вернее, доложите, вы как-никак мой подчиненный. В Империи все спокойно?

— Судя по тем сводкам, которые я получаю в силу занимаемой должности, — абсолютно. Никаких проявлений... — он на миг замялся, подбирая слова. — Никаких проявлений чего-то опасного, тревожащего, заставлявшего бы некоторые службы насторожиться...

Сварога это успокоило. Но не полностью. Сводки для каждого составляются и в силу занимаемой должности, и с учетом круга обязанностей. Ремер — человек свой, проверенный и доверенный, целый профессор, но занимается он исключительно медициной, так что о многом и многом его попросту не информируют. Старый избитый принцип: каждый знает только то, что касается его круга обязанностей. Если считать на военные мерки, директор одного из нескольких санаториев департамента — в лучшем случае капитан. А значит, и информация к нему поступает капитанского уровня. Ничего, скоро можно будет самому многое выяснить...

Он похлопал себя по карманам камзола, оказавшимся пустыми. Ремер понял:

— Все, что лежало у вас в карманах, — у меня в кабинете.

— А мой топор? Митра?

— Насколько я знаю, топор так и лежит на мосту — кто бы его осмелился тронуть? Митра — в речушке, на дне, рядом с мостом. — Профессор слегка улыбнулся. — Достать ее было бы просто, но никто не решился — как-никак это х е л л ь с т а д с к а я королевская корона. Пойдемте?





...Минут через двадцать Сварог сидел в знакомом кабинете — свежий и бодрый после хорошего душа и чарочки «целебных вихрей», — словно бы пронизывавших тело насквозь потоком каких-то излучений (он никогда ими не интересовался, как не интересуется человек, почему работает водопровод), — прихлебывал кофе из большой чашки гурганского фарфора, расписанной золотисто-рыжими узорами, с удовольствием курил свои любимые сигареты, взятые из о б ы ч н о г о портсигара. Оба н е о б ы ч н ы х лежали здесь же, но Сварог не торопился ни с кем связываться. Он ни о чем не спрашивал, но и так ясно: о том, что он пришел в сознание, пятерка профессоров тут же сообщила всяк своему начальству — а значит, и Канцлеру, и Яне. Раз никто с ним до сих пор не связался, значит, в Империи и в самом деле все благолепно. И подумал не то чтобы с обидой — с некоей тенью обиды: уж Яна-то могла бы и озаботиться. Не с рыбалки вернулся и не с посиделок в таверне. Впрочем... Судя по сильванскому времени, на Таларе сейчас глубокая ночь. Вот и пусть спит себе...

Профессор Ремер деликатно помалкивал, явно не желая ему мешать. Допив кофе, погасив окурочек в малахитовой пепельнице, Сварог сказал:

— Начнем, профессор? Рассказывайте все с самого начала.

— Что вы помните последнее? — спросил Ремер уже с явственными нотками опытного врача в голосе.

Последнее, что Сварог помнил, — это две высоченные стены клубящегося серого тумана по сторонам. И Мару, с бледным отчаянным лицом преграждавшую ему дорогу. И ее слова: «Т е б е е щ е р а н о!» Но это принадлежало только ему. И Сварог сказал:

— Когда она меня достала мечом, я упал на мосту. Слышал еще, как они перебросились парой слов, а больше ничего не помню, потерял сознание... Какой-то из орбиталов подал сигнал?

Мушкетерская юность давно прошла, и он подошел к делу со всей обстоятельностью. Над полем битвы,

а потом и над лесом, в котором они окружили беглецов, висели пять орбиталов. Три распорядился там поместить он сам — два девятого стола и один восьмого департамента. Один послал Канцлер, один — спецслужбисты Яны. Правда, примерно за час до начала боя орбиталов оказалось ш е с т ь. Чей он, Элкон выяснил быстро — постарался Магистериум. В известность его никто ставил, но и в секрете Сварог поход на мятежников не держал, так что легко могли пронюхать. Запрещать такого высоколобым никто не запрещал, и Сварог махнул рукой: пусть себе висит...

— Не совсем, — сказал профессор. — Там был еще и большой брагант из девятого стола, управлявшийся графиней Дегро. — Он чуть улыбнулся. — Я встречался с ней всего два раза, но успел понять, насколько это энергичная и решительная девушка, несмотря на юные годы...

Сварог взглянул на него едва ли не с завистью: у профессора не было случая убедиться (и вряд ли будет), что эта энергичная решительная девушка еще и часто самовольно откалывает всевозможные номера — идут они всегда на пользу делу, но тем не менее... Иногда ее удается легонько устыдить (но стыд у нее на вороту не виснет), а порой попросту нет оснований для словесной выволочки и каких бы то ни было дисциплинарных мер. Потому что она ничего не нарушает — просто-напросто пользуется бессмертным принципом «что не запрещено, то разрешено». Как в этот раз. Никому из девятого стола Сварог не запрещал прямо облетать десятой дорогой место битвы и тот лес — что Канилла и использовала. И в случае малейших упреков заявит с честными глазами: не было прямого запрета. И будет права, не в первый раз, лиса очаровательная...

— И она опустила на мост, — сказал он утвердительно.

Догадаться было нетрудно — другого варианта событий просто не имелось...

Профессор кивнул:





— Когда увидела, что вас ударили мечом и вы лежите на мосту. И уже менее чем через квадранс доставила вас в наш медицинский центр — вы ведь не успели пока организовать такой в девятом столе...

— Он там пока просто не нужен, — сказал Сварог. — Достаточно и центра восьмого департамента, не особенно и загруженного работой...

— Резонно... — профессор улыбнулся как-то не по н я т н о. — Там за вас моментально взяли хирургии, тут-то и началось... Мантию растегнули с некоторым трудом, но достаточно быстро — как только сообразили, что следует делать с застежками. Хотели ее снять... И оказалось, что снять ее невозможно. Очень быстро увидели, в чем дело — рану в груди полностью закрыли волокна того же цвета, протянувшиеся от мантии, словно бы вросшие в тело. Мантия будто срослась с телом. То же самое, как показали приборы, происходило и с выходным отверстием на спине, — он снова улыбнулся то ли грустно, то ли, пожалуй что, обрадованно. — Признаюсь честно, лорд Сварог: хорошо, что я не хирург, хорошо, что меня там не было и я это зрелище знаю только по пересказам. Могу представить их чувства и впечатления... Никто не знал, что делать. Как-то разрезать эти нити никто не решился: это была х е л л ь с т а д с к а я одежда, как стало ясно, обладающая какими-то необычными свойствами. — Он легонько покачал головой. — Нет, лучше не думать, как хирурги себя чувствовали в тот момент... Вот только всего через несколько минут они немного успокоились и почувствовали себя увереннее. По всем канонам медицинской науки от такой раны вы должны были умереть, не получая никакой помощи, уже через минуту. Но приборы показывали, что сердце у вас бьется нормально, дыхание ровное, кровообращение нормальное — причем неизбежного в таких случаях внутреннего кровоизлияния нет. Мозговая деятельность — тоже нормальная, ничуть не похожая на то, что происходит в мозгу человека, пребывающего в состоянии клинической смерти. Пульс, давление, все прочие показатели — в норме. Такое впечатление, что

вы просто-напросто с п а л и. И приборы подтверждали, что именно так и обстоит. Тянулись минуты, а положение не менялось. В конце концов кто-то из молодых врачей закричал: «Да ведь она его л е ч и т!» И никто не смог ему возразить или высмеять, даже парочка срочно прилетевших светил хирургии. Н е ч е г о было возразить. Это было единственное объяснение — ваша мантия вас лечила. Лечила смертельную рану мечом в сердце — и лечение, как доказывали данные диагностов, проходило успешно. Вы и не думали умирать, вы словно бы с п а л и. Диагносты зафиксировали какие-то излучения, сопровождавшие это лечение, но понять их природу никто не мог — потому что раньше ни с чем подобным не сталкивался. Но все успокоились. Просто стояли вокруг и смотрели, хотя ровным счетом ничего не происходило, никаких внешних эффектов — но что им еще оставалось делать? — он засмеялся уже открыто. — Тот, кто мне все это рассказывал... В какой-то момент кто-то — не из светил, но из именитых — воскликнул: «Ну, это же Хелльстад!» И всех это словно бы успокоило. Им очень хотелось успокоиться... как наверняка и мне на их месте. Не было объяснения — и в то же время словно бы было. Все переглядывались с таким понимающим видом и повторяли на все лады: «Ну это же Хелльстад...» Всем стало словно бы спокойно... Так продолжалось примерно полчаса. Приборы точно зафиксировали, сколько прошло времени, вплоть до долей секунды, но вряд ли вас это интересует. Меня — тоже нет. Потом вдруг диагносты перестали фиксировать эти загадочные п р о я в л е н и я лечения. Разрез на мантии затянулся сам собой. Никто не заметил, когда это произошло. То же случилось и с разрезом на спине. Набрались смелости и рискнули с величайшей осторожностью приподнять левую полу мантии. Загадочные волокна исчезли, мантия вновь выглядела неповрежденной, а против сердца был шрам, выглядевший так, словно бы от раны, благополучно и успешно залеченной не один месяц назад. А вы по-прежнему словно бы мирно спали. Ни малейших оснований для тревоги.





— А потом? — спросил Сварог. — Как я сюда-то попал? Это ведь «Лазурная бухта», я узнал и коридоры, и ваш кабинет...

— Не прошло и получаса, как прилетели императрица с Канцлером...

— Как... она? — вырвалось у Сварога.

— Не беспокойтесь, — уверенно сказал профессор. — Право же, не о чем беспокоиться. Мне очень подробно рассказали обо всем, что тогда происходило в центре. Когда она шла в вашу палату, на ней лица не было. Ей рассказали, как все обстояло, она постояла над вами, сделала какие-то странные движения руками, мне их не смогли точно описать, да и вряд ли в том есть нужда... Волосы у нее при этом взметались словно под порывом ветра, хотя в палате неоткуда было взяться и малейшему ветерку... Это ведь наверняка Древний Ветер?

Сварог молча кивнул. Никаких секретов он этим не выдавал.

— После этого она, полное впечатление, успокоилась совершенно. Очень спокойно сказала светилам хирургии: с вами все в порядке, вы просто спите, хотя природа этого сна не вполне обычная. И вряд ли будете спать столетиями, подобно сказочным героям вроде короля Таули или мудреца Шаалы. Проснетесь самое большее через несколько дней. Так что нет никакой необходимости держать вас в центре, вообще под наблюдением хирургов. Вот Канцлер и предложил перевезти вас в «Лазурную бухту». Конечно, кое-какое наблюдение все же вести, чтобы мы были совершенно уверены, что с вами все в порядке. Так и поступили. — Он скупо улыбнулся. — Один из присутствующих при этом профессоров довольно настойчиво заявил, что следовало бы взять вашу мантию на скрупулезнейшее исследование в Магистериум или в Технион. Императрица посмотрела на него прямо-таки ледяным взглядом и отрезала: «Хелльстадские монархи не привыкли, чтобы их одежду исследовали ученые, какие бы ценные знания это ни сулило для науки». — Он усмехнулся. — Больше никто эту идею не поддержал,

все как-то сразу вспомнили, что императрица еще и королева Хелльстада... Ну вот и все, наверное. Вас сразу же перевезли к нам, положили в клинику, установили аппаратуру... Все почтенные господа профессора, которых вы только что видели, все это время жили у нас. Никто мне этого не говорил, но у них, несомненно, были инструкции сообщить по начальству, как только вы... проснетесь. Что они наверняка и сделали. Вот, пожалуй, и все, лорд Сварог. Интересные у вас мантии в Хелльстаде...

— Ну, у меня там масса интересного, — без улыбки ответил Сварог. — Значит, с медицинской точки зрения я полностью здоров и в дальнейшем пребывании на больничной койке не нуждаюсь?

— Совершенно не нуждаетесь, — заверил профессор. — Нет никакой необходимости, на этом сошлись все специалисты.

— Вот и прекрасно, — сказал Сварог. — Я бы предпочел немедленно вылететь на Талар. Впрочем... Я бы сначала пообедал... или поужинал, черт его знает, как это называть. В общем, после четырех суток беспробудного сна чертовски хочется не то что есть — жрать. Ну, а потом можно и лететь.

— В санатории сейчас нет межпланетных брагантов, — словно бы сокрушенно сказал профессор, даже чуть развел руками. — На тех, что имелись, улетели на Талар господа профессора.

Сварогу пришло в голову, что это чуточку странная для опытного администратора реплика.

— Это не проблема, — сказал он, насторожившись, хотя и сам пока не понимая, почему. — Вызову с Талара, у меня их там немало...

Профессор казался словно бы чуточку смущенным. Вообще-то он хорошо владел лицом, как и подобает психологу с большим стажем и опытному администратору, но сейчас явно пребывал в некотором смущении, которого не умел скрыть. Если в темпе подыскивать объяснение, легче всего подходит такое: произошло что-то нестандартное...





— Видите ли, лорд Сварог... Простите.

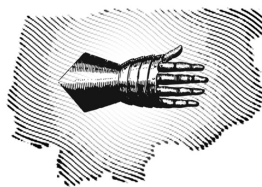
Он перевел взгляд на экран одного из трех своих компьютеров, крайний правый, судя по тому, как двигались его глаза, пришло сообщение, и довольно длинное. Сварог, конечно же, не мог его видеть. А вот профессор, вновь подняв взгляд на Сварога, выглядел еще более смущенным. Все это начинало Сварогу не нравиться.

— Видите ли, лорд Сварог... — сказал профессор (которому, похоже, очень не хотелось смотреть Сварогу в глаза). — Только что пришло сообщение от Канцлера. Он настойчиво просит, чтобы вы немедленно переговорили с ним.

Как писалось в каком-то приключенческом романе, интрига запутывалась. Людям посвященным прекрасно известно, что в устах Канцлера «настойчивая просьба» означает «категорический приказ». Но почему — «немедленно»? Что-то случилось, из разряда нешуточных хлопот? Нет, в этом случае Канцлер держался бы совершенно иначе: попросил бы прилететь немедленно, а при отсутствии здесь межпланетных брагантов выслал бы один из своих. А ему, видите ли, непременно нужно «поговорить» ...

Профессор Ремер уже вышел из-за стола и показывал на узкую дверь в углу кабинета — там, Сварог помнил, располагался личный узел спецсвязи директора.

Вздыхнув, он тоже поднялся из-за стола.



Глава II

УЗНИК ЗАМКА ИФ

Сварог так и не смог определить, где сейчас пребывает Канцлер — за его креслом на стене висел совершенно незнакомый гобелен, в сине-зеленых красках, то ли стилизованных под старину, то ли и в самом деле старинный (хотя Канцлер никогда не был таким уж любителем антиквариата). Покойный, умиротворяющий взгляд лесной пейзаж с безмятежным синим небом без единого облачка.

Канцлер совершенно не выглядел ни невыспавшимся, ни уставшим. С ходу определяя время, Сварог чуточку напутал (спросонья, ха!), и на Таларе сейчас не глубокая ночь, а предрассветные часы. Но все равно, Канцлер ничуть не походил на внезапно разбуженного — хотя Сварог несколько раз его таким и видел, во времена тех самых нешуточных хлопот вроде очередной Белой Тревоги, когда людей вытаскивали из постелей и отрывали от любых занятий.

— Поздравляю с очередным избавлением от смерти, лорд Сварог, — сказал Канцлер чуточку суховато.

— Ну, что поделать, — сказал Сварог. — Есть у меня такое обыкновение, привык уже...

Канцлер не принял полусутоливого тона, продолжал так же суховато, без тени улыбки: